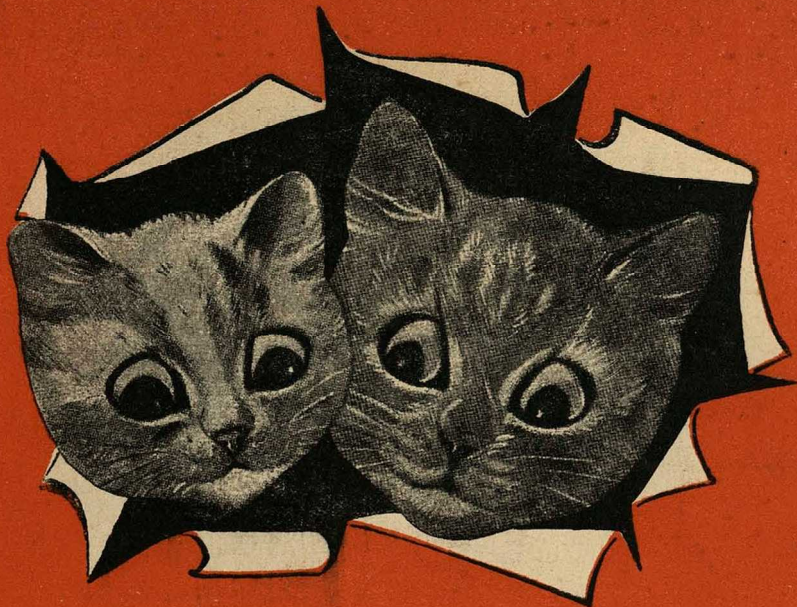

45
40
ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

ФЕВРАЛЬ.

№ 8.

1909.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛѢ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.
ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.
ЧУЖОЕ ИМЯ (романъ).
НОЧЬ.
ГНОМЪ ОБМАНУЛЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ и проч.
ПЕРЕПИСКА.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

„Въ Смутное время“—историческій романъ. (Листъ 3-й).
Выкройка передника для дѣвочки.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Горилла сдѣлала гримасу и показала ему носъ.

ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

Когда Коля шелъ изъ училища, то онъ увидалъ на Семеновской площади нѣчто странное. Плотники доканчивали устройство большого деревяннаго балагана, а тутъ-же невдалекѣ стояли какіе-то вагоны на колесахъ и изъ нихъ слышалось мяуканье и ворчанье разныхъ звѣрей.

— Что это? спросилъ Коля у одного изъ плотниковъ.

— Звѣринецъ будетъ... отвѣтилъ ему плотникъ.—Будутъ звѣрей живыхъ показывать.

Черезъ недѣлю Коля опять шелъ черезъ Семеновскую площадь. Теперь уже звѣринецъ былъ оконченъ, въ немъ играла шарманка и слышалось, какъ эту шарманку заглушали своимъ ревомъ дикіе звѣри. Кругомъ стояли мальчишки и зѣвали на картины, которыми обвѣшанъ былъ снаружи звѣринецъ.

— Пожалуйте! Пожалуйте! зывала публику женщина съ бѣлыми волосами и громко звонила колокольчикомъ.—Сейчасъ начинается!

Коля любилъ животныхъ и ему очень хотѣлось на нихъ поглядѣть. Онъ досталъ изъ кармана гривенникъ, уплатилъ его и вошелъ въ звѣринецъ. Онъ ожидалъ увидѣть здѣсь звѣрей именно въ такомъ видѣ, въ какомъ они были нарисованы на картинахъ снаружи, т. е. среди пальмоваго лѣса, на свободѣ; но едва только онъ переступилъ порогъ,

какъ ему пришлось въ этомъ разочароваться. Ему въ лицо пахнуло изъ звѣринца спертымъ воздухомъ и всѣ звѣри оказались запертыми въ тѣсныхъ клѣткахъ. Одни изъ нихъ лежали на грязной соломѣ, а другіе безнадежно вертѣлись за рѣшеткой, стараясь найти выходъ на волю. Полосатая зебра тоже вертѣлась и полосы на ея тѣлѣ такъ мелькали изъ-за прутьевъ рѣшетки, что было больно на нее смотрѣть. Кругомъ стояли гамъ, ревъ, рычаніе и рѣзкіе крики какихъ-то общипанныхъ птицъ наполняли воздухъ. Въ большомъ деревянномъ ящикѣ лежалъ полудохлый крохотливый и не двигался. Левъ глядѣлъ только однимъ глазомъ, потому что другой его глазъ былъ вѣроятно выколотъ и закрытъ. У одной, сильно кашлявшей обезьянки не хватало кусочка хвоста и изъ него капала кровь. Какъ показалось Колѣ, всѣ звѣри смотрѣли на него жалобными глазами и просили ѣсть. Какіе-то маленькіе звѣрьки, клѣтка которыхъ помѣщалась у самой шарманки, приготовились спать, но шарманка имъ не давала покоя и они то и дѣло вздрагивали всѣмъ тѣломъ.

«Какъ здѣсь нехорошо», подумалъ Коля.—«Напрасно я сюда пришелъ»...

И онъ ужъ совсѣмъ собрался уходить обратно, какъ вдругъ кто-то тронулъ его за плечо. Онъ обер-

нулся и остолбенѣлъ отъ испуга и удивленія. Большая горилла просунула свою руку сквозь рѣшетку и потрогала его за плечо. Потомъ она сдѣлала гримасу, что-то сказала по своему и показала Колѣ носъ.

— Не подходите близко! крикнулъ Колѣ служитель.—Развѣ не видите, что написано на вывѣскѣ?

Коля поднялъ глаза и прочиталъ: «Горилла. Опасенъ. Просятъ близко не подходить».

«Чѣмъ-же онъ опасенъ?» подумалъ Коля.

И, подойдя къ служителю, онъ дернулъ его за рукавъ и спросилъ:

— Вы не можете мнѣ сказать, какъ живетъ горилла и вообще объяснить, что это за звѣрь?

Служитель поднялъ кверху глаза, подумалъ и сказалъ:

— Право, не знаю... Развѣ все можно знать? Звѣрь и есть звѣрь! На то онъ и звѣрь, чтобы его публикѣ показывать!

Колѣ показалось этого мало, онъ побродилъ еще немного по звѣринцу и вышелъ на воздухъ. Горилла опять сдѣлала ему носъ, и еще долго, идя по улицѣ, Коля слышалъ звуки шарманки и ревъ и ворчанье дикихъ звѣрей и думалъ о гориллѣ.

Прійдя домой, онъ рассказалъ обо всемъ отцу.

— Бѣдные звѣри! сказалъ отецъ.— Я понимаю,—держатъ ихъ въ неволяхъ, но въ такой обстановкѣ, чтобы можно было изучить ихъ настоящую жизнь, а такіе звѣринцы—это для

нихъ одно только страданіе и больше ничего! Потѣха для праздныхъ людей. Дѣлаютъ забаву изъ страданій и неволи Божьихъ созданій!..

Папа всталъ съ мѣста и раза два взадъ и впередъ прошелся по кабинету.

— Я расскажу тебѣ сейчасъ исторію одной гориллы, сказалъ онъ,— и ты поймешь, какое это умное животное, и какъ оно похоже на человѣка, и какъ несправедливы къ нему люди. Былъ одинъ естествоиспытатель, по фамиліи Дюшалью. Однажды этотъ Дюшалью отправился въ западную Африку, въ тѣ мѣста, гдѣ проходитъ экваторъ и гдѣ идутъ сильныя періодическіе дожди. Благодаря этимъ дождямъ, тамъ растутъ громадные тропическіе лѣса, а въ этихъ лѣсахъ живутъ очень похожія на людей обезьяны, подъ названіемъ гориллы. Дюшалью очень хотѣлось привезти въ Европу хоть одну гориллу и вотъ онъ обратилъ къ мѣстнымъ жителямъ, неграмъ, съ просьбой поймать для него эту обезьяну. Негры исполнили это его желаніе и скоро принесли ему маленькаго дѣтеныша-гориллу, всего только двухъ лѣтъ. По ихъ рассказамъ онъ узналъ, что они впятеромъ тихо пробирались по лѣсу вдоль морского берега и вдругъ услышали ворчанье. Это мать-горилла кликала къ себѣ своего дѣтеныша. Съ ружьями въ рукахъ они бросились на несчастную мать и убили ее. Въ это время дѣтенышъ сидѣлъ неподалеку на

травѣ и ѣлъ ягоды. Испуганный грохотомъ выстрѣла и увидавъ, что мать его повалилась, онъ бросился къ ней, повисъ на ней, обнялъ ее за шею и сталъ ее теревить, точно хотѣлъ этимъ сказать:—мама, вставай! Убѣдившись, что она не жива, онъ сжалъ свои кулачки и сталъ ими вытирать себѣ глаза. Точь въ точь, какъ человѣкъ. Наплакавшись вдоволь, онъ приткнулся къ тѣлу своей матери и задремалъ. Въ это время къ нему приблизились негры. Онъ встрепенулся, испугался ихъ и бросился отъ нихъ бѣжать. Негры побѣжали за нимъ. Тогда онъ вскочилъ на пальму и взобрался на самую ея вершину. Чтобы достать его, негры стали рубить пальму. Пальма упала и вмѣстѣ съ нею повалился на землю и маленькій горилла. При паденіи онъ больно ушибъ себѣ ногу и сталъ плакать. Въ это время къ нему подскочили негры и схватили его. Одинъ изъ нихъ наступилъ ему при этомъ на больную ногу и несчастное животное отъ боли укусило его. Тогда они скрутили ему назадъ руки и ноги, связали его веревками, продѣли его шею въ рогатину и въ такомъ видѣ привели его въ деревню къ Дюшалью. Черезъ два часа для него была выстроена клѣтка и маленькаго гориллу посадили въ нее навсегда.

— Но для чего - же это было нужно? спросилъ вдругъ Коля.

— А вотъ слушай дальше, продолжалъ его отецъ.—Этотъ малень-

кій горилла былъ совершенно похожъ на негрятенка. Впечатлѣніе это еще болѣе усиливалось неловкостью всѣхъ его движеній. То онъ сидѣлъ спокойно, какъ языческій божокъ, очевидно, вспоминая о матери, а то присматривался къ глазѣвшей на него публикѣ и при этомъ вдругъ кивалъ головою и весело хлопалъ въ ладоши. Прошло четыре мѣсяца и онъ такъ освоился со своимъ положеніемъ, и смирился, что его стали иногда выпускать изъ его клѣтки. Въ такіе дни онъ обыкновенно подбѣгалъ къ 2-хъ, 3-хъ лѣтнимъ дѣтямъ, обнималъ ихъ, цѣловалъ и терпѣлъ отъ нихъ пинки и насмѣшки. Къ взрослымъ-же онъ относился попрежнему съ большимъ недовѣріемъ. Когда онъ былъ въ хорошемъ настроеніи, то показывалъ всѣмъ свой розовый языкъ, а если былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, то ударялъ себя кулакомъ въ грудь. И чѣмъ дольше онъ росъ, тѣмъ все болѣе и болѣе напоминалъ собою человѣка. Въ 9 час. вечера онъ ложился спать, спалъ не просыпаясь всю ночь, подложивъ ладонь подъ щеку, и вставалъ въ 8 час. утра. Проснувшись, онъ начиналъ обѣими руками чесать себѣ голову и спину, а затѣмъ зѣвалъ, какъ человѣкъ, и потягивался. Ему приносили чашку съ водой и онъ умывался изъ нея точь-въ-точь, какъ человѣкъ. Послѣ этого ему давали молока. Молоко онъ пилъ изъ стакана, но такъ какъ у него большой палецъ на рукѣ сги-

бається въ ту-же сторону, куда и остальные пальцы, то держать въ рукѣ стаканъ для него было мудрено и поэтому онъ поддерживалъ его ногою. Въ 1 часъ дня ему давали обѣдъ: вареный рисъ, овощи, главнымъ образомъ картофель, морковь и рѣпу. Пообѣдавъ, онъ ложился подремать, а потомъ просыпался и начиналъ играть въ тѣ игрушки, которыя сдѣлали для него негритянскія дѣти.

Затѣмъ, черезъ годъ, этого молодого гориллу привезли въ Европу. Въ это время въ Европѣ была зима и, чтобы его не простудить, его заколотили въ особый ящикъ съ дырками, въ которомъ была положена доверху вата. Въ этомъ ящикѣ горилла пробылъ 22 дня. А когда его привезли въ Берлинъ, въ Зоологическій садъ и внесли его въ обезьянникъ, гдѣ были уже и другія обезьяны въ неволѣ, то стали его распечатывать. Вылѣзши изъ ваты, горилла съ удивленіемъ посмотрѣлъ вокругъ себя и, повидимому, былъ крайне пораженъ представившейся его глазамъ картиной. Вдругъ глаза его остановились на другомъ гориллѣ, который былъ уже здѣсь давно. Тогда онъ выскочилъ изъ ящика, бросился къ этому гориллѣ и, какъ человѣкъ, протянулъ ему свою руку. Тотъ отвѣтилъ ему на его рукопожатіе, а затѣмъ оба они бросились другъ другу въ объятія и нѣсколько разъ поцѣловались.

Послѣ этого для плѣнника потянулись унылые дни. Наступили холода,

выпалъ снѣгъ и цѣлыя недѣли не показывалось солнце и надъ городомъ нависли свинцовыя тучи. Правда, для него была устроена маленькая тепличка, въ которой были посажены два финика, но гориллѣ было въ ней тѣсно и какъ-то странно было чувствовать себя не подъ открытымъ небомъ, а подъ стеклами.

Проживши такъ около двухъ лѣтъ, горилла сталъ кашлять, осунулся и смотрѣлъ такими печальными глазами точно хотѣлъ спросить:— «Зачѣмъ я здѣсь? Зачѣмъ меня оторвали отъ родины и привезли сюда на чужбину?» Кончилось дѣло тѣмъ, что онъ пересталъ спать и сторожъ бралъ его на ночь къ себѣ. Онъ положилъ его въ углу своей коморки на полу, на матрацъ, и кинулъ ему старое байковое одѣяло. Горилла легъ, укрылся съ головой, но все-таки спалъ плохо. Тогда сторожъ взялъ его къ себѣ на кровать. Горилла обрадовался, обнялъ сторожа и засунулъ ему свою голову за пазуху. Такъ они и спали вмѣстѣ, обнявшись.

Но вотъ пришелъ однажды къ гориллѣ докторъ. Съ нимъ былъ еще какой-то господинъ въ цилиндрѣ.

— Мы привѣмъ этому Гориллѣ человѣческую чахотку, сказалъ докторъ. — Если онъ заболѣетъ ею, то быть можетъ мы научимся тогда лечить отъ чахотки и людей. Мы постараемся добыть изъ него сыворотку и будемъ прививать ее къ людямъ такъ, какъ теперь прививаютъ къ дѣтямъ оспу.

И онѣ взяли гориллу, посадили его на столъ и привили ему чахотку.

Съ этихъ поръ начались страданія гориллы. Онѣ сталъ чахнуть не по днямъ, а по часамъ, кашель мѣшалъ ему спать и наконецъ изъ горла потекла у него кровь. Онѣ смотрѣлъ на всѣхъ жалобными, потухавшими глазами, а около него хлопотали врачи, которые производили на немъ свои опыты.

Такъ какъ горилла заболѣлъ чахоткой, то сторожъ пересталъ его брать къ себѣ на постель и гориллу перенесли въ какое-то свѣтлое помѣщеніе, гдѣ пахло карболкой и гдѣ было разставлено много странныхъ, стеклянныхъ инструментовъ. И не смотря на то, что чуть не каждый день бѣднаго больного окружали врачи и студенты, онѣ чувствовалъ себя одиноко, сильно хотѣлъ къ себѣ домой, на родину, въ африканскіе тропическіе лѣса, гдѣ свѣтило голубое, теплое небо и гдѣ воздухъ былъ не такъ тяжелъ для него, какъ въ Европѣ. И, поглядывая печально на всѣхъ этихъ чужихъ для него людей,

онѣ иногда закашливался, хватался обѣими руками за больную грудь и лицо его принимало такое выраженіе, точно онѣ хотѣлъ сказать:—

— Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ вы привезли меня сюда?

Черезъ два мѣсяца горилла скончался. Когда сторожъ подошелъ къ нему, чтобы дать ему, по обыкновенію, молока, то онѣ лежалъ уже холодный, сложивъ руки на груди, и на лицѣ у него было написано то, что даже сторожу не трудно было понять:

— Я служилъ игрушкой для прихоти людей и пожертвовалъ своею жизнью для ихъ счастья и здоровья.

Коля выслушалъ разсказъ своего отца, глубоко вздохнулъ и молча побрелъ къ себѣ въ дѣтскую. Весь день онѣ былъ самъ не свой и все ему представлялся тотъ горилла, котораго онѣ видѣлъ въ звѣринцѣ и который ласково тронулъ его за плечо и показалъ ему носъ.

«Зачѣмъ онѣ въ неволѣ?» спрашивалъ себя Коля.—Кому нужны такія страданія звѣрей?»

С. Вершининъ.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

(Посвящается Юрочкѣ).

Все заснуло вокругъ. Дремлетъ сѣрень-
кій лѣсъ,
На прогалинахъ тѣни застыли,
Елки смотрятъ вершинами въ лоно небесъ
Въ одѣяньѣ изъ радужной пыли.

Золотая луна величаво царить
Надъ заснувшей, холодной землею.

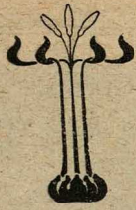
И сверкающій снѣгъ все кругомъ серебрить
Своей блѣдной, но дивной фатою.

Вы же, дѣтки, усѣвшись у мамы съ боковъ,
Разсказать ее просите сказки,
Иль отдавшись волшебницѣ сказочныхъ
сновъ,

Мирно спите, сомкнувъ свои глазки.

А. Коппъ.

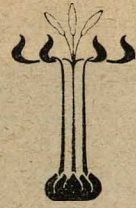

ЧУЖОЕ ИМЯ.

Романъ ¹⁾.

(Окончаніе).

ХІ.

Яркій, солнечный день. Въ Лондонѣ, въ домѣ Генри Тернера — пиръ горой. Топятся печи, изъ трубъ дымъ валитъ столбомъ. Всѣ прикащики и служащіе въ винной торговлѣ Ваграма весело объѣдаютъ и поднимаютъ стаканы за здоровье своего хозяина. Патріархальная столовая увѣшана гирляндами и у почтенной г-жи Гольдстрау полны руки хлопотъ. Вчера вечеромъ она получила изъ Швейцаріи отъ Джоя Ладля телеграмму, что Джоржъ Ваграмъ спасенъ, что его спасла неустрашимая Маргарита и что завтра, въ маленькомъ швейцарскомъ городкѣ Бригѣ, тотчасъ-же по пріѣздѣ туда, у подножія Симплона, всѣ они отслужатъ въ церкви благодарственный молебенъ за спасеніе Ваграма и за здоровье Маргариты, которая спасла ему жизнь.

Получивши эту телеграмму, г-жа Гольдстрау обрадовалась всею своею душою и рѣшила устроить для прикащиковъ обѣдъ.

Въ маленькомъ городкѣ Бригѣ весело звонятъ колокола, по улицамъ развѣваются флаги, гремитъ стрѣльба изъ ружей, гремитъ духовая музыка. Передъ гостинницей стоитъ

изукрашенная бочка съ пивомъ для угощенія народа. Маленькій городокъ Бригъ весь въ хлопотахъ, шумно и наивно радуется сердцами своего простого люда.

Въ прошлую ночь была буря и горы занесены снѣгомъ. Но сегодня солнце свѣтитъ ярко, воздухъ мягокъ и свѣжъ, оловянные крыши Брига горятъ серебромъ и Альпы тянутся рядами бѣлыхъ облаковъ въ темно-синемъ небѣ.

Населеніе маленькаго Брига перекинуло зеленую арку черезъ улицу, подъ которой должны пройти изъ церкви спасшіеся отъ вчерашней бури. На аркѣ виднѣется надпись: «Привѣтъ и почетъ безстрашной Маргаритѣ!» Народъ наивно и восторженно гордится ею, удивляется ей. Это привѣтствіе — трогательный сюрпризъ и потому Ваграма, Джоя Ладля и Маргариту провели въ церковь окольной дорожкой, какъ будто невзначай. Задача не трудная для исполненія въ Бригѣ, гдѣ всѣ улицы смахиваютъ на окольные дорожки.

— Ну-съ, Джой Ладль, обращается къ погребщику Джоржъ Ваграмъ, который немного осунулся и поху-

¹⁾ Собственность «Золотого Дѣтства».

Чья-то чужая собака.

Заботливая няня.

дѣлъ, благодаря происшедшей съ нимъ исторіи,—кажется, намъ пора идти въ церковь. Что вы на это скажете, мой другъ?

— Да по моему, г. Джоржъ,—это какъ нельзя болѣе ясно, отвѣчаетъ ему Джой съ сіяющей улыбкой. Все какъ нельзя болѣе ясно съ тѣхъ поръ, какъ я выльзъ изъ своихъ подваловъ на свѣтъ Божій. Я прежде никогда не бывалъ такъ долго на землѣ, и это послужило мнѣ на пользу!

Они благополучно дошли до церкви и отслужили тамъ торжественный благодарственный молебенъ. Во время молебна Джоя Ладля вызвали на улицу. Онъ вернулся только къ концу, сталъ позади Джоржа Ваграма и слегка прикоснулся къ его плечу.

— Вы выйдите въ боковую дверь, на минуту одни, сказалъ онъ,—а я останусь съ Маргаритой.

У боковой двери церкви оказались тѣ самые два монаха, которые спасли Джоржа Ваграма и вышли тогда на его поиски съ собаками. Усталые и всѣ въ снѣгу, они пожелали ему здоровья, потомъ оба положили себѣ руки на грудь и тихимъ голосомъ сказали:

— Здѣсь носилки наши. Тѣ-же самыя.

— Мои носилки здѣсь? Зачѣмъ?

— Тише... Вашъ товарищъ... съ которымъ вы тогда шли...

— Что съ нимъ?

Одинъ изъ монаховъ взглянулъ на другого, а тотъ взглянулъ на него.

— Мы его отрыли удушеннымъ и разбитымъ, продолжалъ первый.—Его нашли наши собаки. Недалеко отъ Гантерова моста на него свалилась снѣжная лавина и убила его. Но теперь вотъ въ чемъ дѣло: мы принесли его на носилкахъ, чтобы похоронить его здѣсь. Только надо это сдѣлать такъ, чтобы его не видала ваша племянница Маргарита. Здѣшніе жители хотятъ ей устроить праздникъ и очень обижаются, что мы принесли сюда покойника. Они не хотятъ, чтобы она встрѣтилась теперь съ этими носилками. А дѣть его некуда. Мы оставили его на улицѣ. Остается одно: когда вы пойдете мимо, мы постараемся загородить его собою, а вы сдѣлайте такъ, чтобы она не смотрѣла вправо. Нельзя терять времени. Ее встревожитъ ваше отсутствіе. Идите-же обратно въ церковь! Прощайте!

Джоржъ возвратился въ церковь, дослушалъ молебенъ и, взявши Маргариту за руку, вышелъ съ нею на улицу. У главныхъ дверей церкви ихъ ожидала цѣлая толпа. Подъ звонъ колоколовъ, подъ музыку, крики, улыбки и слезы растроганныхъ жителей городка онъ повелъ ее въ гостиницу. Она проходитъ—и всѣ снимаютъ шляпы, посылаютъ ей воздушные поцѣлуи и благословенія.

— Да здравствуетъ Маргарита Ваграмъ! кричатъ десятки голосовъ.— Да хранить тебя Богъ! Да здравствуетъ храбрая, молодая швейцарка! Смотрите, вотъ она идетъ, безстраш-

ная, самоотверженная спасительница жизни своего дяди!

На углу второй улицы, направо, Ваграмъ и Джой Ладль стараются отвлечь ея вниманіе отъ носилокъ и двухъ монаховъ и показываютъ ей на бѣлыхъ голубковъ, сидящихъ на оловянной крышѣ дома. Уголь благополучно миновали, Джоржъ Ваграмъ обернулся и увидѣлъ, какъ въ церковныя двери, изъ которыхъ только что вышли они, монахи внесли трупъ Крюгера и исчезли съ носилками въ глубинѣ церкви. Онъ, Джой Ладль и Маргарита шли впередъ къ сіяющей свѣтлой долинь.

Четыре дня спустя, они были уже въ Лондонѣ, у себя дома. Г-жа Гольдстрау и прикащики встрѣтили ихъ съ распростертыми объятіями, не знали, куда ихъ посадить, чѣмъ покормить. А когда Маргарита сѣла за фортепіано, и сначала спѣла, а потомъ заиграла вальсъ, то почтеннѣйшій Джой Ладль не смогъ совладѣть съ собой и пустился танцевать. Это былъ первый его танецъ въ жизни.

— Bravo! bravo! закричали ему всѣ и захопали въ ладоши.

Отирая потъ, Джой тяжело опустился на стулъ около Ваграма.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, — у васъ на землѣ лучше, чѣмъ у меня подъ землей! И если-бъ васъ не спасла мадмуазель Маргарита, то я теперь тоже былъ-бы покойникомъ. Я не могъ-бы жить безъ васъ, г-нъ Джоржъ!

Итакъ, да здравствуетъ мадмуазель Маргарита!

И онъ неуклюже подошелъ къ дѣвочкѣ и съ благоговѣніемъ поцѣловалъ ей руку.

— Полноте, Джой!.. сказала ему Маргарита. — Я сдѣлала только то, что сдѣлалъ-бы на моемъ мѣстѣ всякій другой.

— Ну, нѣтъ, далеко не всякій! воскликнулъ Джоржъ Ваграмъ. — Не даромъ ты природная Швейцарка! Вѣдь я нашелъ тебя на вершинѣ Альпійскихъ горъ въ снѣгу!

Г-жа Гольдстрау вздрогнула и поблѣднѣла.

— Какъ въ снѣгу? едва имѣла она силъ произнести.

Всѣ обступили Джоржа Ваграма и г-жу Гольдстрау.

Джоржу Ваграму сдѣлалось неловко.

— Батюшки-мои! воскликнулъ онъ и схватился за голову. — Я, кажется, проговорился!

— Разкажите, какъ вы нашли ее въ снѣгу? строго и настойчиво сказала ему г-жа Гольдстрау.

— Ни за что на свѣтѣ! воскликнулъ Ваграмъ. — Она не должна знать настоящей правды!

Маргарита подбѣжала къ нему и схватила его за руку.

— Какой правды, дядя? спросила она. — Развѣ ты отъ меня что-нибудь скрываешь? Развѣ я для тебя чужая?

Ваграмъ покраснѣлъ, провелъ рукою по волосамъ и едва слышно произнесъ:—

— Да, мы съ тобой не находимся ровно ни въ какомъ родствѣ...

А затѣмъ онъ собрался съ силами, опустился на стулъ и приготовился говорить. Всѣ обступили его со всѣхъ сторонъ.

— Я проговорился, — началъ онъ задыхающимся голосомъ, — и скрывать теперь было бы не умно. Теперь я долженъ сказать вамъ всю правду, господа. Маргарита и я не находимся ровно ни въ какомъ родствѣ. У нея есть своя исторія, которую я скрывалъ отъ нея, чтобы не нарушить ея душевнаго покоя и не заставить ее думать о своемъ происхожденіи. Пусть она останется въ невѣдѣніи, думалъ я, и считаетъ себя моей племянницей. Десять лѣтъ тому назадъ, въ суровую зимнюю пору я какъ-то пѣшкомъ переходилъ черезъ Альпійскія горы. Это было безумной отвагой, но я тогда былъ молодъ и все казалось мнѣ простымъ и легкимъ дѣломъ. Я вышелъ изъ Люцерна и одинъ, безъ проводниковъ, пустился въ горы. Когда я взобрался на самую ихъ вершину, когда Сень-Бернарскій монастырь былъ уже недалеко отъ меня, передо мною вдругъ свалилась снѣжная лавина и загородила мнѣ путь. Тогда я рѣшился на смѣлый поступокъ. Я разрѣзалъ свой ранецъ на двѣ части, привязалъ ихъ къ своимъ ногамъ и пошелъ на нихъ прямо по снѣгу, какъ на лыжахъ. Какъ вдругъ что-то твердое оказалось у меня подъ ногами въ снѣгу. Я нагнулся, разгребъ снѣгъ и къ

удивленію своему увидаль въ немъ ребенка. Онъ былъ еще живъ и, представьте себѣ, смѣялся когда я стряхивалъ съ него снѣгъ. Откуда онъ могъ взяться? Какъ онъ могъ попасть сюда? Ясно было, что какая-нибудь женщина несла его на рукахъ и попала подъ сорвавшуюся лавину.

Г-жа Гольдстрау испустила тяжкій вздохъ и почти безъ чувствъ опустилась въ кресло.

— Я долго искалъ эту женщину, — продолжалъ Джоржъ Ваграмъ, — долго кричалъ ей, но всѣ мои попытки оказались тщетными. Благодаря мас-сѣ снѣга, я не могъ добраться до монастыря и долженъ былъ вернуться обратно въ Люцернъ. Съ тѣхъ поръ я не разставался съ этой дѣвочкой ни разу. Я назвалъ ее Маргаритой и воспиталъ ее такъ, что она искренно считала меня своимъ дядей.

Наступило глубокое молчаніе. То, что разсказалъ Джоржъ Ваграмъ, было настолько неожиданно, что всѣ были поражены, какъ громомъ.

— Но почему именно вы назвали ее Маргаритой? — нарушила молчаніе г-жа Гольдстрау.

— У дѣвочки на шеѣ я нашель золотой медальонъ, — отвѣчалъ Ваграмъ, — на которомъ была вырѣзана надпись: «Моей дочери Маргаритѣ отъ ея мамы Джемми». Я понялъ изъ этого, что эту дѣвочку звали Маргаритой.

Глаза г-жи Гольдстрау засверкали огнемъ, радостная улыбка осѣнила вдругъ все ея лицо и она бодро поднялась со своего кресла.

— Покажите мнѣ этотъ медальонъ!—сказала она.

Джоржъ Ваграмъ отперъ несгаемый шкафъ и досталъ оттуда золотой медальонъ. Г-жа Гольдстрау выхватила его у него изъ рукъ, поднесла его къ губамъ и горячо поцѣловала. Затѣмъ она открыла его и протянула его къ Ваграму.

— Чей это портретъ?—спросила она у него.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ.—Я не заглядывалъ въ этотъ медальонъ уже десять лѣтъ!

— Такъ поглядите теперь!

Ваграмъ заглянулъ въ медальонъ и въ удивленіи отступилъ назадъ.

— Это вы, г-жа Гольдстрау!—сказалъ онъ.—Какъ попалъ сюда вашъ портретъ?

Г-жа Гольдстрау подбѣжала къ Маргаритѣ и притянула ее къ себѣ.

— Маргарита, моя дочь!—заговорила она.—Наконецъ-то ты нашлась, наконецъ-то ты опять со мною!

И она прижала ее къ сердцу, цѣловала ее въ губы, въ щеки, въ глаза; слезы текли ручьями у нея по щекамъ, но она плакала и въ то-же время смѣялась и не могла наглядѣться на свою дочь. А Маргарита повисла у нея на шеѣ и только видно было, какъ отъ рыданій вздрагивали ея плечи.

— Мама! мама!—наконецъ воскликнула она и снова бросилась къ матери на шею.

Джой Ладль стоялъ тутъ-же и краснымъ, клѣтчатымъ платкомъ вытиралъ себѣ слезы.

— Вѣдь я говорилъ, что мадамъ-зель Маргарита принесетъ намъ счастье—всхлипывалъ онъ,—вотъ она его и принесла!

А Джоржъ Ваграмъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету и что-то соображалъ.

— Но вѣдь васъ зовутъ Сарра Гольдстрау?—обратился онъ наконецъ къ экономкѣ.—Какимъ же образомъ вы ей приходите матерью, когда на медальонѣ ясно написано, что мать Маргариты—Джемми?

Г-жа Гольдстрау улыбнулась.

— Да, я Сарра Гольдстрау,—отвѣтила она,—но Гольдстрау—это фамилія моего покойнаго мужа. Именемъ-же Джемми прозвали меня подкидыши въ Воспитательномъ Домѣ, когда я служила тамъ и ухаживала за ними еще до выхода моего замужъ...

Въ это время въ передней раздался чей-то звонокъ. Джой Ладль пошелъ отворить дверь и вскорѣ возвратился въ столовую обратно. Сзади него шелъ человѣкъ съ портфелемъ, съ сѣдыми волосами и бритымъ лицомъ.

— Вы г-нъ Джоржъ Ваграмъ?—обратился онъ къ Ваграму.

— Я,—отвѣтилъ Ваграмъ.— Что вамъ угодно?

— Я—нотаріусъ лондонскаго королевскаго суда.—Я пришелъ къ вамъ, чтобы задать вамъ одинъ вопросъ: не можете-ли вы припомнить, какое сегодня число?

— 27 февраля,—отвѣтилъ Джоржъ Ваграмъ.

— Не говоритъ-ли вамъ чего-нибудь это число?

Ваграмъ хлопнулъ себя ладонью по лбу.

— Батюшки!—воскликнулъ онъ.— Да вѣдь сегодня день моего рожденія! А я объ этомъ даже и позабылъ!

Нотариусъ порылся въ портфель и досталъ оттуда какую-то бумагу.

— Именемъ королевы! — громко сказалъ онъ. — Господинъ Джоржъ Ваграмъ. По волѣ воспитавшихъ васъ вашихъ приемныхъ родителей Чарльза и Бетти Ваграмъ изъ Невшателя, я долженъ сообщить вамъ въ сегодняшній день, когда вамъ исполнилось ровно 30 лѣтъ, что вы—подкидышь, питомецъ лондонскаго Воспитательнаго Дома, по имени Генри Тернеръ. По просьбѣ г-жи Бетти Ваграмъ вы были взяты изъ Воспитательнаго Дома ея сестрою Анной Миллеръ и записаны тамъ на ея имя. Теперь, когда вамъ исполнилось 30 лѣтъ, я сообщилъ вамъ объ этой тайнѣ вашего происхожденія по волѣ и завѣщанію вашихъ приемныхъ родителей и имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою и пожелать вамъ всего хорошаго.

Онъ снова вложилъ бумагу въ свой портфель, снялъ съ себя очки и вышелъ изъ столовой.

Джоржъ Ваграмъ стоялъ въ оцѣпенѣннѣй, какъ пораженный громомъ.

— Такъ вотъ оно что!..—сказалъ онъ, наконецъ.—Я носилъ чужое имя? Значитъ, весь этотъ домъ и вся эта торговля принадлежатъ и принадлежали мнѣ?

И съ благодарностью посмотрѣвъ на портретъ той дамы, которую покойный Генри Тернеръ называлъ своей матерью, онъ приказалъ позвать къ себѣ своихъ сослуживцевъ и объявилъ имъ обо всемъ.

— Вотъ моя мать!—съ гордостью сказалъ онъ, указавъ на портретъ.

— Да здравствуетъ Джоржъ Ваграмъ!—хоромъ закричали всѣ, кто былъ въ столовой.

— Нѣтъ, не Джоржъ Ваграмъ,—отвѣтилъ хозяинъ.—Джоржа Ваграма уже нѣтъ, а вмѣсто него передъ вами настоящій Генри Тернеръ.

— Да здравствуетъ Генри Тернеръ!—вновь повторили всѣ.

Генри Тернеръ подошелъ къ Саррѣ Гольдстрау и къ Маргаритѣ, взялъ ихъ обѣихъ за руки, а затѣмъ горячо ихъ обнялъ:

— Вы останетесь со мною навсегда!—сказалъ онъ.

Г-жа Гольдстрау не въ состояніи была удержаться отъ слезъ и выбѣжала въ сосѣдную комнату.

К О Н Е Ц Ъ .

Изреченіе. Всякая вещь имѣетъ свои начало и конецъ. Такъ и дѣло человека: оно тоже имѣетъ начало и конецъ. Кто вѣрно понимаетъ эти начало и конецъ, тотъ всегда исполнитъ свое дѣло. (Конфуцій).

НОЧЬ.

Стемнѣло все. Поля, лѣса
И прудъ — покоятся во снѣ.
Умолкли крики на гумнѣ
И стихли птичьи голоса.

Лишь иногда въ лѣсу сова
Одна печально прокричитъ,
Да слышно, какъ ручей журчитъ,
Съ горы катясь по скату рва.

Спокойно все. Тепло. Просторъ
Своимъ величїемъ манитъ...
И далеко въ степи горитъ
Огнемъ мерцающимъ костеръ.

Л. Аркатовъ.

ГНОМЪ ОБМАНУЛЪ.

Сказка въ 3-хъ дѣйствїяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Пахомъ, Семень, Лукерья и Гномъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Бѣдная изба. Пахомъ сидитъ у стола, Лукерья стоитъ около. Вечеръ.

Лукерья. Что призадумался, Па-
хомушка?

Пахомъ. Чай есть о чемъ приза-
думаться: не знаешь развѣ, какое
нынче лѣто удалось, много-ли въ
полѣ уродилось? Небось, есть отчего
голову повѣсить!

Лукерья. Не знаю, что ужъ и
дѣлать будемъ... Надо-бы денегъ гдѣ
раздобыть.

Пахомъ. Надо-то, надо; да только
гдѣ ихъ взять, денегъ-то? На ого-
родѣ онѣ не растутъ... Вотъ если-бы
кладъ гдѣ достать, да нѣтъ: страшно!..
[Входитъ Семень съ балалайкой].

Семень. Кладъ? Чего же ты не
ищешь? Не думаешь ли ты, что
онъ самъ къ тебѣ верхомъ на козѣ
прїѣдетъ? Люди ищутъ — и ты поищи!

Лукерья. Богъ съ нимъ, съ кла-
домъ: денегъ не найдешь, а страху
не оберешься. Лучше продать что.

Пахомъ. Вотъ такъ придумала!
Таракановъ развѣ продавать на ба-
зарѣ выведемъ?

Лукерья. Коровенку продай; дѣ-
тей у насъ нѣтъ, авось и безъ мо-
лока обойдемся, а за коровенку,
хоть и плохенькая она, все дадутъ
рублей десять.

Кто скорѣ всѣхъ?

Еще яичко!

Семень. Эхъ, тошно глядѣть на васъ, какъ вы нюни распустите. Сидятъ себѣ вдвоемъ да ноютъ. Вотъ у меня тоже никогда денегъ нѣтъ, а не ною же я. Какъ животь

подведетъ съ голодухи, я сейчасъ... [играетъ на балалайкѣ и пляшетъ].

Пахомъ и Лукерья смѣются.

Пахомъ. Завидую тебѣ, свать Семень: никогда ты не унываешь.

Семень. И тебѣ унывать не со-вѣтую. А вотъ что про кладь вспомнилъ—такъ это кстати: вѣдь послѣ-завтра Ивана Купала, самое время кладь искать.

Лукерья. Это ждаться-то въ лѣсу, какъ папортникъ зацвѣтетъ?

Семень. Можно и по папортнику найти, только это трудно, да и Пахомъ—человѣкъ для этого не подходящій: ужъ больно много всякихъ бѣсовъ цвѣтки эти сторожатъ. Пахомъ со страху помретъ.

Пахомъ. Правду сказать, дѣйствительно нечистыхъ я побаиваюсь... Но какъ же иначе кладь сыскать?

Семень. Слышалъ я про другой способъ. Мнѣ одинъ паренѣкъ рассказывалъ, а онъ въ книжкѣ читалъ; есть, говоритъ, такіе маленькіе, маленькіе человѣчки, которые нутренность земли стерегутъ...

Лукерья. Ахъ, батюшки: нутренность земли... Какія страсти!

Пахомъ. Не перебивай.

Семень. Человѣчки эти: иному лѣтъ тысяча будетъ, сѣдая борода до живота, а росту въ немъ и аршина нѣтъ.

Лукерья. Ай-ай-ай, какой только гадины на свѣтѣ нѣтъ!

Семень. Такъ вотъ эти-то человѣчки, паренѣкъ ихъ гномами называлъ, и сторожатъ земное богатство; чего только въ землѣ нѣтъ: и золото, и серебро, и камни самоцвѣтные; все это во власти гномовъ этихъ и состоитъ.

Пахомъ. Да кто же они такіе будутъ? Я такъ полагаю, что не иначе, какъ нечистая сила?

Семень. Какъ тебѣ, свать, сказать? Нечистая не нечистая, а такъ—около того.

Лукерья. А хвостики у нихъ есть?

Семень. Ни даже самага махонькаго: изъ себя они какъ есть людьми выглядываютъ, только власть у нихъ надъ нутренностью земляной большая.

Пахомъ. А какъ же подойти къ нимъ?

Семень. А вотъ слушай: сидя подъ землей, гдѣ имъ вѣды хорошей достать? Поди, питаются одними червяками!

Лукерья. Чай, гложатъ себѣ ко-решки; а можетъ и лягушками не брезгаютъ.

Семень. Такъ оно и должно быть. По этой самой причинѣ они страсть какъ бываютъ довольны, ежели имъ въ кои вѣки что-нибудь путное въ ротъ перепадетъ, и за крынку молока гномъ можетъ отвалить золота, сколько только унесешь. Вотъ какъ!

Пахомъ. Да какъ же молоко я поташу во нутренность земли?

Семень. Глупъ ты, и больше ничего: въ Иванову ночь гномы наружу выходятъ, вотъ ты его и подкарауль съ молокомъ-то своимъ.

Пахомъ. Такъ... Слушай, сватушка: пойдешь вдвоемъ. Страсть, какъ нечистой силы боюсь, а съ тобой не такъ страшно будетъ; вишь, какъ ты о всякой чертовщинѣ расписы-

вашь: будто съ ней поль-пуда соли съѣлъ.

Семень. Ну что-жь, пойдёмъ! Завтра въ ночь и отправимся.

Пахомъ. Все, что ни достанемъ, все пополамъ раздѣлимъ.

Семень. Ладно!

Лукерья. Охъ, недоброе дѣло вы затѣваете, хоть бы живыми-то назадъ пришли.

Пахомъ [храбрясь]. Ну, заныла опять, старая! Придемъ, хозяйка, придемъ, да не только живы, а и съ капиталцемъ; лавочку откроемъ.

Лукерья. Ишь, расхрабрился какъ!

Пахомъ. Со сватомъ я теперь ничего на свѣтъ не боюсь.

Семень [уходя]. Ну, прощай пока! Такъ смотри же, будь готовъ, да молока припаси. [Уходитъ].

Пахомъ. Прощай, ладно.

Лукерья. Ай ты, Господи, Господи...

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лѣсъ. Ночь. Входятъ Пахомъ и Семень. Пахомъ со страхомъ озирается кругомъ.

Пахомъ. Сватушка, боюсь. Пойдемъ лучше домой!

Семень. Чего домой? Пришли, такъ ужъ давай гнома искать.

Пахомъ. Напрасно тебя послушался... и печенки, и кишки, и всѣ потроха у меня такъ вотъ и колотятся... Хоть бы живому домой вернуться... [кричитъ ворона]. Ой-ой: это смерть моя кричитъ!

Семень. Вотъ дурень: вороны испугался!

Пахомъ. Хоть бы скорѣе ужъ гномъ вылѣзалъ: какой-никакой конецъ былъ-бы! [Слышенъ тихій голосъ Лукерьи: «Пахомушка, ты здѣсь»].

Пахомъ. Сватушка, что это: нечистая сила, или моя баба?

Семень. Твоя баба, самая настоящая. Но только же и хватъ она: къ намъ идетъ, не боится!

Пахомъ. Иди, иди, Лукерьюшка. [Въ сторону.] А если это не баба, а навожденіе. [громко] Сгинь, сгинь, пропади!

Лукерья [входя]. Что ты, Пахомъ, бѣлены объѣлся? На свою законную жену да «сгинь, пропади»? Истосковалась больно я, васъ поджидаючи, ну и пошла искать. Насилу нашла. И страху-же я приняла, не дай Богъ!

Семень. Ну, нечего лясы точить! Этакъ и гнома испугать можно! Гляди-ка, словно-бы кусть вонъ тотъ шевелится.

Пахомъ. Шевелится и есть!.. Съ нами крестная сила!

Лукерья. Ахъ, батюшки, зачѣмъ я, дура, пришла!

Семень. Гляди теперь въ оба: какъ вылѣзетъ, такъ сейчасъ ему молока и давай! [Кусть отодвигается, показывается гномъ].

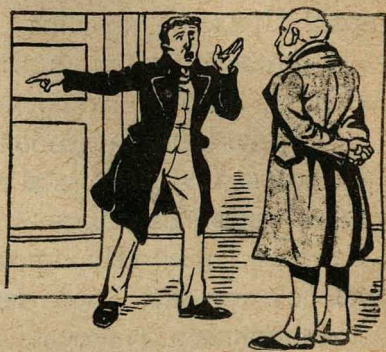
Пахомъ [толкаетъ [въ бокъ Семена и даетъ ему горшокъ съ молокомъ]. На, носи ты самъ, а я боюсь.

Семень [самъ побаивается и сторонится]. Тоже еще кладу хочешь! Самъ подавай!

Пахомъ [Лукерья]. Хозяйка, тащи ты! [Ставитъ Лукерью впереди себя и даетъ ей горшокъ].

Жилъ одинъ трудолюбивый крестьянинъ, который въ потъ лица своего обрабатывалъ свой участокъ. Одинъ богатый графъ, желая помочь этому крестьянину, пасыпалъ въ сундучокъ золотыхъ монеть и ночью тайкомъ закопалъ его на землѣ у этого крестьянина.—«Пусть онъ найдетъ эти деньги», думалъ графъ—«и будетъ богатъ!»

Но крестьянинъ неожиданно заболѣлъ и нанялъ вмѣсто себя работника. Работникъ, вскапывая землю, нашелъ тамъ сундучокъ и присвоить деньги себѣ.—«Сударь», обратился къ графу его вѣрный слуга.—«Ваши деньги попали въ руки другого! Я былъ сейчасъ въ трактирѣ и видѣлъ тамъ, какъ какой-то человекъ расплачивается вашими деньгами!»

Лукерья. Что ты, что ты? [ставить впередъ Пахома, а сама прячется за нимъ. Затѣмъ всѣ трое, передавая другъ другу горшокъ съ молокомъ, роняютъ вдругъ его на землю, и молоко проливается. Гномъ грозитъ рукою].

Пахомъ [дрожитъ]. Ой, сватушка, грозится какъ! Ну, теперь пропала моя головушка, совсѣмъ пропала! Сейчасъ и смерть придетъ.

Семень [тоже совсѣмъ испуганно]. Ну, такъ ужъ и быть, спрошу его! [Гному]. Гномъ ты милый, дѣдушка нашъ ненаглядный, скажи: гдѣ кладъ сыскать?

Пахомъ [немного ободрившись]. Укажи, гнома твоя милость, вѣкъ тебя помнить будемъ!

Лукерья [изъ-за спины Пахома]. А ужъ что молоко пролили, такъ не про-

гнѣвайся: я тебѣ цѣлое ведро принесу, только живыми отпусти!

[Гномъ показываетъ на дерево и скрывается].

Пахомъ [радостно]. Указалъ, указалъ!...

Семень. Ну, что я говорилъ?

Пахомъ [Лукерья]. Видишь теперь, трусиха ты этакая? Правъ я былъ, или нѣтъ? Вотъ какъ сейчасъ богатырями станемъ, такъ и скажешь, что не мужъ у тебя, а золото.

Лукерья. Не серчай, батюшка, на бабу глупую!

Семень. Ну, ладно, нечего языкъ-то чесать! Давайте рыть скорѣе, пока солнце не взошло, а то поздно будетъ!

Графъ одѣлся и пошелъ въ трактиръ. Здѣсь онъ сѣлъ за столикъ и сталъ наблюдать за рабочимъ. И когда тотъ вытащилъ монету, чтобы заплатить, графъ потребовалъ эту монету къ себѣ.—„Эта монета умѣетъ говорить!“ воскликнулъ онъ и поднесъ ее къ своему уху. Всѣ были удивлены.

— „Гдѣ ты была?“ задалъ графъ монетѣ вопросъ и затѣмъ уже самъ продолжалъ: „ты была зарыта въ землѣ? И находилась въ сундучкѣ на участкѣ моего сосѣда? Тебя укралъ вотъ этотъ самый человѣкъ?“ Рабочникъ испугался, векочилъ, и покаялся передъ графомъ во всемъ. Полный стыда, онъ вышелъ изъ трактира, а графъ взялъ отъ него сундучокъ и отвесилъ его къ больному. Такъ никто и не узналъ, что эту помощь оказали больному графъ.

Лукерья. Ройте, родимые, ройте!

Пахомъ [растерянно]. Да только чѣмъ рыть-то?

Лукерья. Знамо чѣмъ, лопатой!

Семень. А лопата-то гдѣ? Говорите скорѣе, гдѣ лопата?

Пахомъ [хлопаетъ себя по лбу]. Дома забыли!

Лукерья. Забыли и есть.

Семень. Эхъ ты, а еще кладъ найти хочешь!

Лукерья. Что же намъ теперь дѣлать?

Семень. Дурни вы, дурни! Бѣжимъ скорѣе, что есть духу на деревню, за лопатой!

Пахомъ. Ну, что-жь? Бѣжать, такъ бѣжать!

Лукерья. Вотъ и вышло, что дура-то не я, а вы. А какъ мы найдемъ эту березу?

Пахомъ. Правда, какъ мы найдемъ эту березу?

Лукерья. А вотъ какъ! [Отрываетъ отъ фартука кусокъ красной матеріи и привязываетъ его къ березѣ]. Теперь узнаемъ!

Семень. Молодчина!

Пахомъ. Ай да хозяйюшка! Отдай все да мало!

Семень. А теперь скорѣе за лопатой! [Всѣ убѣгаютъ].

Изъ-за куста вытѣзаетъ гномъ и навязываетъ точно такіе-же куски матеріи и на другія деревья.

Гномъ. Пусть-ка они теперь поищутъ!.. Всѣ деревья одинаковы и на всѣхъ по красной тряпкѣ. А чтобы подшутить надъ ними, сдѣлаю-ка

я еще вотъ что! [Достаётъ изъ-за куста горшокъ]. Вмѣсто клада я положу въ этотъ горшокъ дохлую лягушку [кладетъ въ горшокъ дохлую лягушку], закрою ее крышкой и закопаю вотъ сюда! [закапываетъ горшокъ подъ березой]. Теперь, когда они придутъ сюда съ лопатами, пускай-ка они сначала угадаютъ, подъ какой березой этотъ кладъ! А потомъ пусть себѣ выкапываютъ его на здоровье! И вмѣсто денегъ—дохлая лягушка! Ха-ха-ха-ха! Вотъ дураки! Хотятъ разбогатѣть, а получаютъ дохлую лягушку! Ха-ха-ха-ха!

Занавѣсь.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Тотъ же лѣсъ, но всѣ деревья съ красными тряпочками. Слышны голоса:

Пахомъ. Вотъ такъ исторія! Хоть убей, не припомню мѣста!

Семень. А главное—что на всѣхъ деревьяхъ вдругъ появились красныя тряпки!

Лукерья. Да и тряпочки точь въ точь мои, никакого отличія нѣтъ. Пахомушка, пойдёмъ домой!

Пахомъ. Ну, ужъ и домой!.. [упрямо]. Непремѣнно хочу кладъ сыскать!

Лукерья. Пахомушка, сколько ужъ бродимъ по лѣсу, а никакого толка нѣтъ. [Всѣ выходятъ на сцену]. На что намъ кладъ, пойдёмъ домой!

Семень. Страхъ, какъ усталъ. Хоть отдохнуть! [Усаживается на землю].

Пахомъ. Правда твоя, посидѣть хоть малость надо. [Садится].

Лукерья. Посидите, да и домой пойдёмъ! Чуетъ мое сердце, что до-

бромъ все это не кончится: А все ты, сватъ Семень! [Плачетъ]. Пойдемъ, да пойдёмъ кладъ искать!

Семень. Опять двадцать пять... Я - то чѣмъ виноватъ? Вѣдь самъ Пахомъ надумалъ кладъ искать!

Пахомъ. Ну, какъ-же, сватушка! Я бы безъ тебя никогда и про Гнома-то не узналъ!

Семень. Вотъ тебѣ и разъ! Самъ хотѣлъ кладъ искать, а теперь я выхожу во всемъ виноватъ! Что жъ, я и уйду пожалуй! [Подымается].

Пахомъ. [Удерживаетъ Семена]. Сватушка, не оставляй: страхъ, какъ клада хочется!

Лукерья. Пахомушка, сватушка, глядите скорѣе, что я нашла.

Пахомъ [вскакиваетъ]. Кладъ?

Семень [поднимается]. Что? что?

Лукерья. Не кладъ, а мѣсто, гдѣ я молоко разлила. Вотъ оно.

Семень. И то правда.

Пахомъ. Ну, и дошлая же ты у меня баба!

Семень. Пойдите-ка: теперь надо припомнить, на какую березу Гномъ показывалъ?

Пахомъ. Да вотъ на ту, видишь?

Лукерья. Правда, Пахомушка, правда. Такъ и было: вонъ тамъ гномъ сидѣлъ, а сюда рукой показывалъ.

Семень. Ну, что-жъ, въ такомъ случаѣ ройте! И мнѣ что-то слается, что на эту березу гномъ показывалъ.

Пахомъ. Такъ давайте рыть! [Начинаетъ рыть. Всѣ съ любопытствомъ смотрятъ].

Лукерья. Что-то откопашь, Пахомушка?

Пахомъ. Хозяйка, сватушка! Лопата о что-то твердое ударилась!

Семенъ. Не можетъ быть? Неужто? Такъ и есть! горшокъ съ кладомъ. Рой скорѣе! Чего ты возишься?

Пахомъ. И въ правду горшокъ, да тяжелый какой!

Лукерья. И страшно-то, и боязно, и радостно...

Семенъ. Ну, тащи скорѣе!

Пахомъ. Да одинъ не справлюсь.

Семенъ. Давай я помогу! Только помни уговоръ: половина мнѣ.

Пахомъ. Вѣстимо! Ты у насъ всему дѣлу голова, стало-быть тебѣ и половина! [Тащутъ горшокъ на сцену].

Лукерья. Что-то намъ нечистая сила послала? [Пахомъ и Семенъ развязываютъ горшокъ и вынимаютъ оттуда мертвую лягушку].

Пахомъ [держитъ высоко лягушку и дрожитъ отъ страха].

Лукерья. Батюшки... Дохлая лягушка!.. Вотъ такъ кладъ!

Пахомъ [сердито Семену]. Кладъ!.. Кладъ!.. Бери-же, сватушка, свою половину а... мнѣ моей не надо! [Показывается Гномъ, и громко хохочетъ, всѣ падаютъ отъ страху на землю].

Лукерья [лежа въ страхѣ]. Провались, окаянный... Съ нами крестная сила!.. Чуръ меня!.. Сухо дерево, завтра пятница... Аминь, аминь, разсыпья!..

Гномъ [хохочетъ]. Ха-ха-ха-ха! Вотъ такъ разбогатѣли!

Занавѣсъ.

Ив. Щербакъ.

ГОЛОВОЛОМКА.

Какія животныя и птицы заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Мужикъ сказалъ сыну: «Снеси въ амбаръ сукно».

2) Еще не кончилось лѣто, а астра успѣла ужъ отцвѣсти.

3) Я помогаль каменщику складывать камни.

4) У насъ на дворѣ случился пожаръ. Сгорѣли сараи и конюшни.

5) Среди горъ елка растеть.

6) Насъ обокралъ воръ. Онъ влѣзъ черезъ окно.

(Предложилъ Котъ-Васька).

Рѣшенія задачъ, головоломокъ и ребуса, помѣщенныхъ въ № 6 „Золотого Дѣтства“.

I. Фасоль, миля, доля, соль.

II. Лена. Липа. Груша. Роза. Соня. Лида.

III. Острогъ. Сапужокъ. Судакъ. Сороки. Торжокъ. Чернь. Изюмъ. Островъ. Холмъ.

IV. Мокрый и красный.

V. Сыръ-Дарья.

VI. Мартышка въ старости слаба глазами стала.

VII. Ирисъ, роза, жасминъ, макъ, астра.

Рѣшеніе ребуса № 4. Н + ужъ + дача + сто + о + з + лобъ + ля + етъ + чело + вѣка. = Нужда часто озлобляетъ человѣка.

Върнула рѣшенія прислали: Шета Мякишева изъ Севастополя, Саша Ридигеръ въ Спб., Леля и Вѣрочка Герасимовы въ Спб., Коля Титовъ изъ Кронштадта, Любочка Виноградова изъ В.-Волочка, Митя Петренко изъ Кіева, Володя и Женья Конрадъ въ Спб., Леночка Сахновская изъ Кіева, Яша Россоскій изъ Липовца, Муся Съдлецкая изъ Холма, Тая Безсонова, Игорь Терлецкій изъ Корца Волын. губ., Катя Ганкевичъ изъ Зозова, Кіевск. губ., Миша Лобановскій, Андриуша Федотовъ—донской казачокъ, Коця и Катя Николаевы изъ Харькова, Коля Шестаковъ изъ Ростова на Дону, Зоя Васильева изъ Кавказской, В. и Л. Милоченко изъ Сорочинецъ, Варюша Перепелкина изъ Касторнаго, Георгій Искидаровъ изъ Тихорѣцкой, Вѣрочка Когодовская изъ Яланца Подольск. губ., Соня Шераношеръ въ Спб., Иоаннъ Хастъ, Надя Шкилева и Женья Арсени изъ Ростова-на-Дону, Люба и Надя Слободзинскіе изъ Николаева, Надя Казанская, Августа Станкевичъ изъ Ялты, Борисъ Вишняковъ изъ Ржева, Коля Поповъ изъ Новочеркасска, Любочка Пелишейко изъ Парижа (Франція), Жоржъ Межакъ изъ Крейцбурга, Леля Жонсонъ изъ Кѣлецъ, Алеша Бѣлявскій со ст. Омскъ, Маруся Волкова изъ Омска, Jeanne Meunier, Николай Шутцъ изъ Батума.

Кромѣ того присланы вторія рѣшенія задачъ изъ прежнихъ №№ «Золотого Дѣтства»: отъ Поли Петровой изъ Иркутска, Алеша Бѣлявскаго со ст. Омскъ, Юли Пятковой, Вѣрочки Когутовой, Кати Ганкевичъ, Вани Лобовикова изъ села Колянуръ Яранскаго уѣзда, княжны Вѣры Шервашидзе изъ Сухума.

ПОЧТА «ЗОЛОТОГО ДѢТСТВА».

I.

Милая Редакція. Я давно уже собиралась написать вамъ, но было какъ-то неловко начать первой. У меня тоже есть ручныя животныя: пѣгая лошадь, двѣ овечки и пѣтухъ. Были еще два кролика, но они издохли. Лошадь я зову Васькой, а пѣтуха папа прозвалъ «Николай Ивановичъ». Когда онъ зоветъ его такъ, то онъ къ нему идетъ. Больше всего я люблю лошадь; она очень смиренная и я умѣю на ней кататься. Я сама ее кормлю. Я читала «Барри» и мнѣ этотъ романъ такъ понравился, что я прочитала его четыре раза. Теперь я читаю «Чужое имя» и все никакъ не могу дождаться, чѣмъ все тамъ кончится.

Лиза Менаръ.

II.

Милая Редакція, попросите того дядю, который сочиняетъ «Чужое имя», чтобы онъ подольше его не кончалъ. Я очень люблю читать то, что долго не кончается. Кто еще любитъ читать рассказы, которые долго не кончаются?

Вася Оловянниковъ.

III.

Дорогое «Золотое Дѣтство». У меня есть двѣ хорошенькія бѣлыя кошечки. Одну изъ нихъ зовутъ Мурка, а другую Пушистка. Всякій разъ когда я играю на рояли, Мурка садится сбоку на кресло и начинаетъ мурлыкать, а Пушистка въ это время дремлетъ на диванѣ. Когда же я кончаю играть, то обѣ онѣ прыгиваютъ со своихъ мѣстъ, бросаются ко мнѣ и Мурка садится ко мнѣ на колѣни, а Пушистка на плечо. Я беру Мурку на руки и вмѣстѣ съ Пушисткой иду къ мамѣ.

У кого еще есть любимые звѣри?

Соня Петерсъ.

IV.

Милая Маруся Григорьева!

Спѣшу отвѣтить вамъ. У меня есть котъ, котораго зовутъ Мурка. Онъ умѣетъ служить, давать лапку и прыгать черезъ руки. Я живу въ Петербургѣ и учусь въ училищѣ Св. Анны. На дачу мы ѣздимъ въ Финляндію. Тамъ очень хорошо. Кто еще живетъ лѣтомъ въ Финляндіи?

Нина Бриксъ.

V.

Дорогая Редакція. Прошу Васъ, если можно, напечатать слѣдующій рассказъ, который я сочинила: «Жизнь Бѣлочки». Въ основномъ лѣсу жила бѣлочка, грызла орѣшки и прыгала съ елочки на елочку. Но вотъ пришла весна; бѣлочку поймалъ мальчикъ и понесъ на господскій дворъ. Увидѣла бѣлочку господская дочь Маня и стала просить свою маму, чтобы она купила ей бѣлочку. Мама исполнила ея желаніе и купила бѣлочку. Пришла ея подруга Соня, дочь священника. Стали онѣ играть съ бѣлочкой. Бѣлочка хотѣла убѣжать, а Соня въ испугъ упала на нее, схватила ее и нечаянно придавила. Съ бѣлочкой сдѣлались судороги и она умерла. Соня стала просить у Мани прощеніе, и та ее простила. Онѣ взяли коробочку, закопали бѣлочку въ землю и побѣжали въ садъ. Такъ кончила свою жизнь бѣлочка. Кто еще умѣетъ писать рассказы?

Зина Кириченко.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЬ
ДЛЯ ДѢТЕЙ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія.
- 2) Путешествія.
- 3) Біографіи знаменитыхъ людей.
- 4) Статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насекомыхъ и растений.
- 5) Рассказы изъ жизни племенъ и народовъ.
- 6) Рассказы изъ жизни святыхъ.
- 7) Статьи по хозяйству и домоводству.
- 8) Игры и занятія.
- 9) Ноты для пѣнія и игры на фортепіано.
- 10) Каррикатуры и смѣшныя исторіи въ картинкахъ.
- 11) Загадки, ребусы, шарады.
- 12) Романы, повѣсти и рассказы изъ Русской исторіи.
- 13) 12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома безъ помощи портнихи.
- 14) Картонажи для склеиванія и другія приложенія.
- 15) Смѣсь: различные рецепты, анекдоты, шутки и проч.
- 16) Почтовый ящикъ для переписки съ подписчиками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **3 р. 80 к.**,
на полгода — **2 рубля.**

Подписка принимается: въ **Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“**,
С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3, и въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго
Времени» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостинный Дворъ и Невскій)
и Н. П. Карбасникова (Гостинный Дворъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.